

Несколько странным показалось нам приведенное автором в заключении рассуждение о флорентийской навигационной практике, о которой фактически не идет речь в монографии, и которое скорее можно считать началом нового исследования. Впрочем, здесь присутствует не только упоминание самой проблемы и сравнение венецианской и флорентийской навигационной практики, но и приводится ряд фактических примеров из истории последней.

Хотелось бы высказать также несколько мелких замечаний и соображений, которые ни в коей мере не умаляют достоинств работы и никак не могут повлиять на общее впечатление. Тем не менее, в некоторых случаях хотелось бы видеть более четкие объяснения терминов. Так, на с. 6 читатель встречает слово "банка". Конечно, человеку, владеющему латинским или итальянским языком, нетрудно догадаться, что имеется в виду лавка, на которой размещались гребцы галей. Между тем, широкому кругу читателей это слово может остаться непонятным. Вообще, как представляется, если термину есть эквивалент в русском языке, то было бы правильнее употреблять в тексте русское значение слова. На с. 91 появляется термин "галера", под которым понимается боевой патрульный корабль. В первой главе, в которой, как мы видели, представлены типы кораблей, не объясняется однако разница между галерой и галеей. У читателя может возникнуть впечатление, что это разные типы кораблей. Вероятно, следовало пояснить, что это разные названия одного и того же корабля, выполняющего несколько различных функций: термин "галера" употребляется главным образом по отношению к вооруженным торговым судам, которые при необходимости могут быть и боевыми, что прекрасно доказано и проиллюстрировано всем исследованием. С.П. Карпова; "галерой" называли, вероятно, боевые и охран-

ные корабли того же типа, которые, наверное, при необходимости могут использоваться как торговые. Иногда автор для доказательства и аргументации своих выводов приводит факты, связанные с торговлей Венеции на Леванте (с. 7, 61). Создается впечатление, что Черное море также входило в понятие "Левант". Например, на с. 61 С.П. Карпов пишет, что на венецианской ярмарке в июле "можно было с большой выгодой приобрести западноевропейские товары, прежде всего ткани, для торговли на "Леванте". Должно ли понимать, что эта торговля распространяется также на черноморский рынок, или имеются в виду только рынки Восточного Средиземноморья, которое обычно и ассоциируется с понятием "Леванта"? С нашей точки зрения, это два разных географических региона, мало связанных между собой даже в коммерческом отношении. Вероятно, не следует смешивать их друг с другом.

В целом же невозможно не отметить высокое качество представляемой работы, скрупулезную выверенность фактов, основанную на огромном комплексе источников, многие из которых являются архивными документами, прежде всего малоизвестными или вовсе неизвестными. Отечественная и мировая историческая наука пополнились многосторонним исследованием истории венецианской навигации в Черном море. Задача, поставленная С.П. Карповым в самом начале работы, восполнить лагуну в историографии и представить основные линии развития венецианского мореплавания в Черном море, успешно решена. В монографии приведены многочисленные, очень подробные и наглядные таблицы, которые сами могут служить источниками, являются аргументами и доказательствами многих выводов автора. Столь тщательное сведение материала в подобные таблицы также является несомненной заслугой автора.

С.В. Близнюк

Gjuzelev V. *Bulgarien zwischen Orient und Okzident. Die Grundlagen seiner geistigen Kultur vom 13. bis zum 16. Jahrhundert.* Wien; Köln; Weimar: Böhlau Verlag, 1993. 311 S.

Новая книга профессора Софийского университета В. Гюзелева, увидевшая свет в издательстве "Бёлау", по сути синтезирует историю духовного развития Болгарии за три драматических столетия ее истории. Автору удалось собрать многочисленные рассеянные свидетельства некогда богатого духовного патримония своей родины, показать истоки и традиции болгарской культуры в ее связях с Византией, славянским и латинским миром. В меньшей степени в ней раскрыты контакты

с Востоком, отразившиеся и в языке, и во многих традициях народа.

Главной и несомненной заслугой автора является изучение большого корпуса славянских рукописей, хранящихся во многих библиотеках мира. Именно они служат основой построений автора, позволяют ему сделать более масштабные и убедительные выводы, нежели его многочисленные предшественники. Фотографии книжных миниатюр, грамот, фресок и икон, печатей, надписей, карт, выпол-

ненные на высоком полиграфическом уровне, сопровождают всю книгу и дают живой образ эпохи и мира культуры.

Книгу открывает четкое изложение политического, религиозного и этнического развития страны в XIII–XV вв. Автор справедливо выделяет эпоху первых Асений не только как период наибольшего укрепления II Болгарского царства, роста его международного престижа, но и как время формирования некоего культурного образца, имперской идеологии "царства болгар и греков". Континуитет византийских традиций определял тип культуры, фактическое двуязычие образования, укрепляя интегрированность Болгарии в системе международных связей Византии и Латинской Романии. Однако он был характерен не только для II Болгарского царства, но и для государств, возникших в период политической децентрализации (которым в книге уделено меньше места), в частности — для "деспотата" Добротицы, приводя к широкому участию болгарских правителей во внутривизантийских распрях, конфликтах Палеологов с трапезундскими Великими Комнинами¹ и т.д.

Признавая роль византийских корней, В. Гюзелев, вместе с тем, решительно выступает против представления о Болгарии как о "малой Византии". По его мнению, синтезная по природе, "болгарская модель духовного развития была перенята сербами, русскими, валахами и молдаванами" (с. 54). Отдавая должное действительно выдающейся роли болгар и Болгарии в духовном просвещении Руси/России и других православных народов, нельзя не отметить, что она до сих пор не изучена в комплексе, во всей конкретике проявлений и по всем известным источникам.

Большое место В. Гюзелев уделяет школьному образованию и его ступеням, демонстрируя его церковный характер в Болгарии. Он неправ лишь в том, что распространяет положение о монополизации церковью образования на все средневековые государства (с. 56), как бы забывая о существовании городской светской культуры Западной Европы, да и Византии. Впрочем, это скорее оговорка или дань изжитому уже стереотипу...

Характеризуя образование, автор как бы выстраивает ступени постижения и профессионализма: писец—каллиграф—грамматик—философ (с. 68). Он выделяет также особую учительную роль "старцев" и показывает глубину и многогранность этого именованья (с. 70). Особая проблема — степень грамотности населения — искусно решается путем привлечения

различных надписей — от граффити на стенах до печаток и ремесленных изделий.

Изучая скриптории, В. Гюзелев выделяет те из них, что определяли основные тенденции развития письма (Тырново, Афон), те, что находились вне страны, но влияли существенным образом на болгарское книгописание (константинопольские, иерусалимские, синайские и др.) и собственно болгарские центры, главным образом — при монастырях. Интересны наблюдения автора (за ними стоят многие десятки изученных рукописей) о писцах и заказчиках рукописей, о составе библиотек и о мобильности книжных собраний, о перемещении манускриптов из одних монастырей в другие (напр., с. 215). Автор воссоздает по сути историю ряда крупнейшей средневековых библиотек Болгарии. К их числу он относит собрания монастырей Бачково, Элеусы (Струмица), св. Иоанна Предчети (Созополь), Зографа, Рилы и царскую библиотеку в Велико Тырново (с. 260–262).

В хорошо написанной синтетической работе есть немногие спорные места и неточности. Вряд ли правомерно, например, Монастро (Моврокастро, Белгород Днепровский, Аккерман) причислять к болгарским городам (С. 94). Данные о крещении восьмью францисканцами 200 000 болгар за 50 дней после захвата Бдинского царства (1365–1369) венграмми — скорее риторическая гипербола, содержащаяся в письме папы Урбана V, чем исторический факт. Тем более на этом основании нельзя делать вывод о численности населения Болгарии (с. 32–33, 37). Слабость проявлений латинской культуры на болгарских землях (отмеченная автором на с. 94) легко объяснима спецификой итальянской колонизации Причерноморья и ее направленностью. Западное Причерноморье в тот период не имело для генуэзцев того экономического и политического значения, что Северное и Южное, к тому же, как известно, длительная вражда Добротицы с генуэзцами мешала образованию фактории на его землях. Может быть, новой темой в этой связи станет история и культура болгарского населения в Латинской Романии (в частности, на Крите). Сведения о нем мы находим прежде всего в генуэзских и венецианских нотариальных актах.

Книга В. Гюзелева легко и хорошо написана, оформлена с изяществом и элегантностью. Она доступна широкому читателю. Вместе с тем, это серьезный комплексный труд. Он подводит итог изучения болгарской культуры, полезен как справочник и является отправным пунктом будущих исследований.

С.П. Карпов

¹ Из последних работ об этом см., например: *Биллярски И. Деспот Йоан Тертер (40-те — 90-те години XIV столетие) // Исторически Преглед. 1992. N 10. С. 3–23.*